

Одной из наиболее характерных особенностей зрелой лирики Языкова является ее с исключительной силой выраженная эмоционально-эстетическая окраска, то, что сам Языков назвал выражением «живых восторгов». В этой автохарактеристике Языков верно определил своеобразие собственного поэтического мироощущения. Почти все, кто пытался в прозе или в стихах охарактеризовать особенности языковской поэзии, пользовались теми же определениями. В посланиях Языкову Баратынский говорил о его «восторге удалом», Ознобишин — о «восторгов дивных порывах», и даже туповатый граф Хвостов называл его «восторга сын». Экстатическое мироощущение Языкова имел в виду и Пушкин, когда говорил об «избытке чувств» в его поэзии, и Вяземский, определивший его стих как «огнедышащий». «Торжественность», «пышность» языковской поэзии заставляют вспомнить не только общий колорит и тональность поэзии Державина, но и его теоретические установки. В «Рассуждении о лирической поэзии» «высокость» или «выспренность лирическая» расшифровываются как «плод пылкого, высокого воображения, которое возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет их, сильными выражениями своими, то живо чувствовать, чего они не знали». Там же «лирическое», «высокое» раскрывается как непрерывное представление множества «картин и чувств блестящих громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное», который «приводит в восторг», здесь же защищается определение поэзии как «говорящей живописи».⁵

Достаточно привести хотя бы несколько взятых на выборку типичных строф из лирики Языкова для того, чтобы продемонстрировать не только эти черты «державинского» в эстетике и поэтике Языкова, но и творчески преломленное прямое влияние державинских принципов строения образности и метафоризации. Вот как Языков пишет, например, о любви:

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,
Твои надежды...

(«Элегия»).

Самый образ любви и переживания поэта даны при посредстве живописных деталей предметного мира, и благодаря этому отвлеченные представления становятся конкретными, зримыми, чувствуемыми. Характерно здесь и само строение метафорического образа, «пышного», «торжественного»; любовь не только сравнивается с радугой — «лентой огнецветной» (которая, в свою очередь, метафорически раскрывается как «повязка сладостных дождей»), но оказывается еще «пышнее».

⁵ Г. Р. Державин, Сочинения, т. VII, СПб., 1872, стр. 537—538, 564.